

«Да у парня крыша поехала... — вернувшись в карету принц испустил протяжный вздох облегчения, что вернулся оттуда невредимым. — Объединиться? С ним? За что мне такое...»

Уэйн глянул на Зено. Та снова сидела вся бледная, как призрак, но уже из-за отвратного характера Стила.

— Прости, я не смог спросить про Армию освобождения.

— А, ничего... Готова поспорить... В смысле, уверена, мы для него пустое место.

Принц молча согласился. Соппротивление не группа художников, скульпторов и композиторов — вряд ли найдётся хоть единственный шанс, что Стил ими заинтересуется. Но даже если бы и нашёлся, то марденский принц сам бы их не отпустил.

И тем не менее это болезненный удар для Зено: шанс вернуть Марден угасал. Если сплетни о последнем иерархе не лгали, то ничего хорошего ожидать не приходится.

«Хоть бы слухи оказались просто слухами», — молился Уэйн, зная, что напрасно.

Карета всё дальше громыкала по мостовой.

— Вот как... Бедная овечка оказалась изгоем среди заблудших душ в школе... Представляю, какие муки ты испытала.

В центре залитого вечерним светом кабинета, больше тяготеющего к залу, стояли женщина и девочка.

— Что мне делать... госпожа Кардмелия? — робко вопрошала совсем ещё девчушка.

— Есть ли у тебя ответ, чем ты им не угодила?

— Наверное... наверное, потому что я плохая...

— Нет. Как можно? Ты не сделала ничего дурного, — нежно утешала женщина. — Боюсь, в их сердцах ты не более, чем тень.

— Тень? — растерянно повторила бедняжка со слезами на глазах.

— Ты не личность, но тень от неё. Поэтому никто не протягивает тебе руку помощи: сколько тень ни будет кричать — её не услышат, сколько ни причины ей боли — совесть останется глуха.

— Я больше не хочу быть одна! Как заставить их увидеть во мне человека?! — закричала убитая горем девочка.

Кардмелия одарила её улыбкой богоматери.

— Ввергни их в пучину отчаяния, — ответила она таким голосом, словно объясняла что-то очевидное. — Пусть обидчиков, их пособников и всех тех, кто равнодушно прошёл мимо, охватит тёмный вихрь твоего воображения. А после и сама окунись в бездну. — Женщина нежно дотронулась щеки несчастной. — Вы будете вместе пробиваться сквозь чёрные воды отчаяния, и тогда в алом мареве из крови и плоти они выжгут настоящую тебя на своих сердцах. Когда выйдешь из тьмы, врагов уже не будет.

— Н-но... но простят ли они меня?

— Конечно, ибо ты простишь их. Ты простишь обидчиков, вы вместе преодолеете отчаяние, и тогда уже они простят тебя, — сказала Кардмелия голосом матери, убаюкивающей своё дитя.

— Но... что если они не простят...

— Тогда, — заговорила она, заглядывая девочке глубоко в глаза, когда та их не смела отвести, — они не люди, но животные. А животные, несущие зло человеку, не должны жить. Коротка их жизнь, но это справедливо. Всё хорошо. Тебе нечего бояться. Я с тобой. Собери всё своё мужество, прими отчаяние и...

— Кхем! — прервал их наигранно громкий кашель.

К собственному же удивлению девочка отстранилась, обернулась и обнаружила Уэйна со свитой.

— А.... эм-м, спасибо большое, что уделили время, госпожа Кардмелия, и простите! — воскликнула она и проскользнула мимо принца.

Парень взглядом проводил её и повернулся обратно.

— Кажется, я слегка не вовремя. Мои манеры оставляют желать лучшего — прошу прощения, Ваше Высокопреосвященство.

— Хи-хи, не извольте беспокоиться. Спасибо, что пришли, Ваше Высочество.

Сев в предложенное кресло, Уэйн внимательно оглядел женщину.

«Так это и есть та, о ком ходит молва?»

Кардмелия — префект Апостольской курии, правая рука патриарха. Изначально эта роль отводилась королям и высшей знати, но это же препятствовало их постоянному пребыванию подле Патриаршего Престола. Поэтому создали Апостольскую курию. История префектов, её управленцев, довольно долгая. Порой они действуют от имени патриарха, а сейчас же способны оспорить власть Святейшего синода. На последнем собрании Консистория от лица патриарха выступала нынешний префект — Кардмелия.

«Старые обычаи на западе укоренились в умах людей не меньше, чем на востоке, а согласно официальной трактовке леветианской библии женщинам не место на высоких постах, и всё же...»

Кардмелия поднялась до префекта Апостольской курии, высочайшего положения в леветианстве, не имея никаких связей с основателем учения; этот статус ставил её рядом с его первыми последователями. Некоторые даже называли её «политическим чудовищем», и Уэйн не мог найти более подходящего определения.

— Юная девица, что только что убежала, из знатного рода? — спросил принц, крепясь духом. Им больше ничто не мешало, и Уэйну не осталось ничего, кроме как с чего-то начать.

— Нет, она из простолюдинов.

— Вот как? Ясно... Вы и им проповедуете?

— Я указываю путь к свету Леветии всем страждущим. Как верующей, мне нет разницы, кому протянуть руку помощи в час нужды.

— Сколь вдохновляюще. Леветия непременно бы обрадовался, — рассыпался парень в бессмысленных любезностях, пытаясь найти зацепку для следующего шага.

— Тем не менее, Ваше Высочество, — Кардмелия сразу перешла к делу, ясно давая понять свою незаинтересованность в подобных речах, — вы прибыли сюда, дабы заручиться поддержкой на выдвижении в иерархи Святейшего синода?

— Я понимаю, сколь опрометчива может показаться просьба, но мною помывает необходимость.

Уэйн планировал вести переговоры более осторожно, но быстро передумал: оппонент не лыком шит — нужно проявить решительность.

— Как вам известно, Натра принимает беженцев со всех концов континента. Большинство из них ищут спасения, но продолжают держаться своей ереси.

— То есть, ваш народ — язычники?

— Отнюдь, просто на их родине придерживаются иных верований. В то время, как в Каварине есть всего одна, истинная религия. Я считаю, вера ничего не стоит, если не достигает сердца людей, и мой единственный грех в том, что мы не распространили истинное слово божье во всех землях до рождения его сыновей и дочерей.

Кардмелия чуть подумала.

— Хотите сказать, что обратите их сердца в истинную веру, вступив в Святейший синод?

— Именно. Смесь религий и склоки на этой почве — мой провал. И я жажду искупить вину как иерарх. Уверен, лицеизрев святые знамёна Леветии, люди отринут свои ложные убеждения и ступят на стезю истинной веры.

— Но их сердца уже во зле — под силу ли вам изгнать из них тьму?

— Воспетый ангелами святой Лоран сказал: «Вера в людей — первый шаг к их спасению». Я верю в народ Натры. Неужто вы не поверите, Ваше Высокопреосвященство?!

Уэйн внутренне рукоплескал своему красноречию.

— Я поняла ваши чувства, — нежно улыбнулась Кардмелия. — Прошу простить мне мою колкость в вопросах. Чин иерарха священен и таит в себе огромную силу и влияние — беспечность и жестокость его обладателя грозит ввергнуть дела мирские в хаос. Видно, мои опасения были напрасны.

— Значит...

— Как уполномоченная говорить от лица Его Святейшества, я принимаю вас достойным статуса иерарха. Однако у меня есть одно условие.

— Ваша воля — закон.

Это не поставило Уэйна врасплох: он ожидал такого исхода. К тому же она явно склоняется принять решение в его пользу.

— Это касается нашего общего друга, Его Величества короля Ордаласа. Ваша война с Марденом велась, дабы спасти угнетённых? Говорят, это подвиг, достойный иерарха.

Разумеется, это ложь. Святое дело приписали лишь после свершения факта. И Уэйн, и

Святейший синод знали.

«Ей нужно подтверждение, что то — священная война... А точнее, она хочет убедиться, имело ли место быть мирским мотивам... Значит, речь о руднике!»

Вполне резонно с её стороны использовать золотую шахту как разменную монету, идущую в счёт пожертвования учению Леветии. Уэйн принялся взвешивать все «за» и «против», но следующих слов никак не ожидал.

— Тогда вам должно полностью освободить правоверных от гнёта, иначе я не смогу оказать поддержку.

— Что? — опешил принц, но быстро собрался. — Полностью? Мы сражались в союзе с Каварином и...

— Но кое-кто ещё остался ведь в живых? Сопротивление.

Уэйн почувствовал, как по спине пробежал мертвецкий холодок.

— Остатки армии Мардена по-прежнему цепляются за свои жизни и угнетают последователей Леветии. Они, точно дьяволом одержимые, спят и видят, как бы навлечь новые страдания на истинных верующих. Покой настанет, лишь когда всех нечестивцев охватит пламя чистилища, а их тела развешат на крестах на всеобщее обозрение и радость воронам. Вы же согласны, не так ли?

Кардмелия права, но всё же она только что подтвердила, что не ищет выгоды: крах сопротивления неизбежен — так зачем натравливать на них Уэйна, взамен обещая поддержку в Святейшем синоде? В этом нет смысла.

«Либо она с полной победы Натры выигрывает нечто мне неизвестное, либо...»

— М? Что-то не так, дитя моё? — вдруг обратилась Кардмелия к кому-то позади принца.

Тем человеком оказалась Зено, которая, судя по лицу, едва держала себя в руках.

— Если тебе нездоровится, то, пожалуйста, не стесняйся, присядь.

Забота Кардмелии выглядела невинно, но Уэйн понимал: она знает. Ей известно о подданных Мардена в его свите и цели освободить страну.

«Ясно, так тебе поиграть захотелось...»

Он уже задумался о чем-то подобном, увидев, как префект проповедовала девочке, но теперь никаких сомнений не осталось. Есть в мире люди, ввергающие окружение в хаос забавы ради; у них нет ни страха перед разрушениями, ни алчного желания наживы. И Кардмелия из их числа. Пост иерарха Святейшего синода — не более чем инструмент увеселения, способ заставить всех плясать под её дудку.

— П-пожалуйста, не б-беспокойтесь... пустяки...

— Можешь не сдерживаться. Я вижу, сколь сильно изранено твоё сердце от вида страданий благочестивых братьев и сестёр в Мардене.

— Н-нет, я...

— Всё хорошо, — Кардмелия потянулась к ней. — Тебе нечего бояться — Его Высочество их обязательно спасёт.

— Прошу прощения, — Уэйн взял Зено в охапку до того, до неё дотянулась префект. — Вы непременно правы. Восстановить мир в Мардене — наша первоочередная задача. Однако достигнуть её мы сможем только вместе с Каварином, поэтому я не вправе отвечать как мне угодно. Я попрошу аудиенции у короля Ордаласа и сообщу о решении позже.

— Боже правый, — Префект разочарованно насупила брови, но тут же сверкнула мимолётной улыбкой. — В таком случае с нетерпением жду завтрашней встречи.

— Глубоко признателен. Ветер нашептывает мне бежать готовиться к приёму у короля — больше я компанию вам составить, увы, не в силах.

— Какая жалость, я бы с радостью пообщалась ещё... Ах, к слову, двери для вашего спутника всегда открыты.

— Мне невероятно лестно ваше внимание. Что ж, с вашего позволения.

Силой закончив разговор, Уэйн с Зено покинули кабинет.

— Как же он переволновался, — хихикнула Кардмелия и развернулась: — Это послужит твоей мести, Оул?

Останься принц — и не на шутку бы удивился, встретив здесь однорукого мужчину, с которым скрестил мечи в Салуде.

— Боюсь, вы даже малость перестарались Ваше Высокопреосвященство. Мне сдаётся, он истинно верующий, и от вашего отношения он мог вспылить.

— Было бы только интереснее.

Оул не понаслышке знал нрав префекта, но женщина по-прежнему обескураживала его. Мужчина закрыл глаза на её опасные заявления — остался ещё один вопрос.

— Вы и в самом деле поддержите выдвижение кронпринца в Святейший синод?

— Да, с радостью, если он отправит на суд божий оставшихся марденских прихвостней, — с готовностью кивнула Кардмелия.

— При всём уважении, Ваше Высокопреосвященство, но он опасен. Его возвышение на Западе может выйти вам боком.

— Но разве это не к лучшему? — ответила она так, будто это было очевидно. — Нашу искорку для пожара на Востоке потушили, но теперь, кажется, и Запад может запылать, — префект улыбнулась. Её лицо оставалось ясным и благочестивым, как у богоматери, но за этой маской скрывалась двуличная натура.

Оулу более не на что было жаловаться.

— А как там Айбис? — спросила Кардмелия.

— Приготовления идут согласно плану. Докладывает, что войска будут готовы к концу праздника.

— Рада слышать. Мы долго ждали этого дня и обязаны сделать его как можно более захватывающим. Непременно сообщите, если что-то понадобится.

— Как будет угодно.

Оул бесшумно вышел. Кардмелия развернулась обратно к окну и, думая об отдаляющемся экипаже, чуть ли не запела себе под нос.

— Хи-хи, вот бы ты не успел.